

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81.119

DOI 10.52452/19931778_2021_3_162

МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР ЭТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ЗЛО» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

© 2021 г.

Ван Тяньцзяо

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

931515224@qq.com

Поступила в редакцию 08.09.2020

Осуществляется анализ моделей концептуальных метафор этического концепта «зло» в русской фразеологии со значением 'зло'. Показано, что в русских фразеологизмах этический концепт «зло» представлен в качестве овеществленной сущности (предмета, объекта, вещи, существа), в том числе конкретного предмета со специфическими функциями (характеристиками, признаками), в качестве одушевленного существа типа волка, собаки, медведя и змеи и в качестве конкретизированного действия. Делается вывод, что подобные модели метафорического представления зла во многом воплощают не только национальную и культурную специфику русского народа, но и определенные форматы знаний о мире, отображенные в русской фразеологии.

Ключевые слова: когнитивные модели, этический концепт «зло», концептуальные метафоры, языковая картина мира этноса, русская фразеология.

Данная статья посвящена исследованию моделей концептуальных метафор этического концепта «зло» в русских фразеологизмах со значением 'зло'.

Цель исследования – описать концептуально-метафорические модели этического концепта «зло», выраженные в русских фразеологизмах со значением 'зло', через призму национальной и культурной специфики фрагмента языковой картины мира этноса.

Исследование осуществлялось с использованием метода традиционного лингвистического описания, метода семантического анализа и методики концептуального анализа [1; 2].

В современной лингвокультурологии [1] внимание акцентируется на изучении национальных концептов, которые воплощают этнически обусловленные представления о мире и культурные реалии, стоящие за разными языковыми единицами и являющиеся форматами знаний о действительности того или иного народа. Подобные исследования во многом опираются на научный инструментарий когнитивной лингвистики, который ориентирован на интерпретацию языков посредством когнитивных стратегий, концептуальных структур и энциклопедических знаний, стоящих за языковыми фактами и моделями [2, p. 11].

Несмотря на отсутствие универсального определения понятия «концепт», необходимо ука-

зать, что является практически общепризнанным тот факт, что концепт – это, во-первых, мыслительное образование [3, с. 269], возникающее в результате концептуализации мира; во-вторых, содержательная единица сознания [4, с. 90], оперирующая поступающей к человеку информацией по разным каналам; в-третьих, необходимый конструкт мышления, участвующий во всех видах ментальной деятельности [5, p. 8]. В качестве базового вида ментальной репрезентации концепт теснейшим образом связан с этнической культурой, ведь концепты – как бы сгустки культуры в сознании человека [6, с. 40].

Итак, в языковой репрезентации концептов воплощаются различные этнические особенности национальной культуры, в том числе и этические понятия, которые по сути своей являются аксиологически маркированными ментальными единицами, ориентированными на нравственно-ценностную составляющую совокупного духовного мира личности и этноса. Все это в высшей степени характерно и для этического понятия «зло», которое в определенном смысле может рассматриваться как концепт базового уровня и является при этом предметом настоящего исследования. Абстрактное понятие «зло» не просто соответствует критериям базового уровня категоризации (целостность в чувствен-

ном опыте; легкая выделимость на психологическом уровне; приоритетность; типичная реакция на стимулы; частая употребляемость в речевом общении; ключевая значимость (cue validity) [7, с. 252]; ведущая роль в организации знаний и опыта [5, р. 129–130]), но и еще совместно с концептами подобного типа выступает как результат выделения сходных классов видовых объектов, которым есть соответствие в опыте и в деятельности [8, с. 126].

Таким образом, этические концепты подобного рода вместе с другими этническими концептами представляют собой значимую составляющую языковой картины мира этноса, в основе которой лежит так называемая «наивная модель мира», где определенные способы восприятия мира отражаются в конкретно-чувственных, а не в рациональных форматах знаний о мире [9, с. 5]. Одним из таких форматов выступает концептуальная метафора.

Напомним, что метафора в когнитивной лингвистике рассматривается не в лексико-семантическом плане как словесное обозначение [10, с. 135], т.е. как интерпретируемая аномалия [11, с. 346], не в стилистическом плане как риторический троп [12, р. 153], т.е. как значимое отклонение от нормы [13, р. 114], а в познавательном плане как эффективная когнитивная стратегия, так как понятийным системам человека в целом присуща метафоричность [14, р. 73]. При таком подходе к метафоре суть метафорической репрезентации заключается в осмыслении абстрактного концепта в терминах конкретного концепта, более сложного явления – в терминах более простого, уже известного в опыте [15, р. 7]. Здесь нелишне будет указать, что концептуальные метафоры еще обладают конвенциональностью, системностью, асимметричностью, абстрактностью и бессознательностью.

В научных традициях лингвокультурологии отмечается особая роль фразеологии в выражении национальной и культурной специфики языковой картины мира этноса. Именно фразеологизмы содержат максимум культурно-значимой информации, отражают особенности культурно-национальной рефлексии субъекта, соотносящего образное содержание фразеологизма с эталонами и стереотипами культурно-национального мировидения и миропонимания [16, с. 9] – с одной стороны, с другой – они в целом основаны именно на концептуальных метафорах и метонимиях [17, р. 326]. В связи с этим далее мы рассмотрим фразеологизмы со значением ‘зло’ как языковые механизмы воплощения концептуальных метафорических моделей.

Первая когнитивная модель, исследуемая в нашей научной работе, – это концептуально-

метафорическая модель овеществления абстракции этического концепта «зло», т.е. модель представления зла как реальной конкретной сущности (предмета, объекта, вещи, существа), которая в неявном виде отображена в русской фразеологии с компонентом ‘зло’. Здесь следует отметить, что данная когнитивная модель по сути своей отнесена к категории концептуальных метафор, называемых онтологическими метафорами (ontological metaphors).

Концепт «зло» представляет собой пример абстрактной сущности умопостигаемой природы, т.е. не воспринимаемой конкретно-чувственно, посредством сенсомоторных органов человека. Иначе говоря, в динамическом процессе концептуализации мира концепты такого типа не формируются на основе непосредственного эмпирического опыта телесного взаимодействия человека с окружающей средой. Поэтому, чтобы войти в сферу воспринимаемых явлений на уровне «наивной модели мира», сущности абстрактного типа подлежат обязательному овеществлению. Это как раз соответствует когнитивному механизму действия метафоры, согласно которому модель представления зла как реальной конкретной сущности отражает бессознательное проецирование эмпирического знания о реальных вещах и объектах, полученного человеком из повседневной жизни, на понимание и конструирование когнитивных характеристик (признаков, функций, атрибутов) абстрактного этического концепта «зло».

На основе эмпирического опыта разного рода конкретные действия могут быть выполнены с реальными сущностями, т.е. в синтаксическом плане глаголы, обозначающие конкретные действия, или прилагательные, означающие конкретные признаки, должны в норме сочетаться со словами, служащими языковым знаком этих сущностей. С учетом этого можно с уверенностью сказать, что модель концептуальной метафоры «зло есть реальная конкретная сущность», по существу дела, является когнитивной моделью, находящейся на вышестоящем уровне категоризации в сознании человека и отраженной прежде всего во фразеологизмах типа *держать зло на к.-л., причинить зло к.-л., дерево познания добра и зла*. Другими словами, концепт «зло» посредством первой когнитивной модели, выраженной в русских фразеологизмах, входит в языковую картину мира этноса как конкретно-чувственное представление в эмпирическом опыте человека.

Но прежде чем перейти к следующей когнитивной модели, еще нужно разобраться в конкретном механизме, через призму которого метафорическое проецирование данной когнитив-

ной модели происходит именно с исходного домена (в данном случае – это *реальная конкретная сущность*) на целевой домен (*зло*).

Рассмотрим фразеологизмы *держат зло на к.-л.* и *причинить зло к.-л.*, в которых первая когнитивная модель может быть связана с таким фундаментальным механизмом концептуальной метафоризации, как **образ-схема** (*image-schema metaphor*) [15, p. 42]. Согласно З. Ковешезу, такой тип метафоризации включает в себя проекцию движения (*motion*), состоящую из инициальной точки, направления, конечной точки, этапов движения и пр. Так, например, во фразеологизмах *держат зло на к.-л.* и *причинить зло к.-л.* действие (ментально трактуемое как движение) направлено от начальной точки, которой соответствуют субъекты, соответственно, испытывающие злые чувства или активно творящие злые поступки, к конечной точке – реципиентам (получателям) зла, в результате чего негативные последствия либо обращены на самый субъект, как в первом фразеологизме, либо направлены на других, как в последнем фразеологизме. При этом носители языка, оперирующие данными фразеологизмами, не только осознают когнитивные признаки концепта «зло», но и руководствуются этим пониманием в своей повседневной жизни, в практическом поведении.

Вторая когнитивная модель, попавшая в сферу нашего исследования, – это субмодель первой когнитивной модели, т.е. модель представления зла как реального предмета со специфическими функциями (признаками, атрибутами). От первой когнитивной модели вторая когнитивная модель отличается конкретизацией денотата, который в языковом плане обозначен словом ‘зло’ и которому одновременно приписаны негативные признаки и функции (людям нанесен психологический и физический вред). В этой когнитивной модели этический концепт «зло» в качестве целевого домена понимается и конструируется в терминах реального предмета с негативными признаками в качестве исходного домена, который совместно с исходным доменом первой когнитивной модели находится на вышестоящем уровне категоризации в ментальной классификационной системе человека.

Таким образом, суть концептуальной метафоры «зло есть реальный предмет с негативными признаками» составляет идея телесного представления реального действия схватывания, ‘удержания’ конкретного предмета руками, выраженная во фразеологизме *держат зло на к.-л.*, которая выступает как определенная когнитивная модель.

Третья когнитивная модель – это также субмодель первой когнитивной модели, т.е. модель

представления зла как плода, результата роста растения (дерева), которая в явном виде отображена в русском фразеологизме *дерево познания добра и зла*, построенном по модели генитивной метафоры. Основанием метафоризации выступает конкретное существительное (*дерево* – в нашем случае), а субъектом метафоризации – абстрактное существительное (*познание*). Этот фразеологизм является библейским, т.е. в свернутой форме эксплуатирует культурный фон всех говорящих по-русски, а именно – их знакомство с религиозно-христианским сюжетом о грехопадении Адама и Евы, которая, по наущению искусителя-змея, вкусила яблоко от дерева познания добра и зла. В этом фразеологическом выражении зло представлено в виде конкретного объекта – плода фруктового дерева (типа яблони). Посредством данной когнитивной модели, т.е. концептуальной метафоры «добро и зло есть яблоко», в которой зло считается испорченным яблоком, конкретно-чувственное восприятие зла фиксируется в языковой картине мира этноса.

Четвертая когнитивная модель – это концептуально-метафорическая модель одушевления абстракции этического концепта «зло», т.е. модель представления зла как реального живого существа, которая эксплицитно отображена в русской фразеологии со значением ‘зло’. Здесь следует отметить, что исходный домен этой концептуальной метафоры, т.е. понятие «реальное живое существо», на самом деле является концептом вышестоящего категориального уровня, к категории которого вполне возможно отнесение ряда конкретных живых существ, находящихся на базовом уровне категоризации.

Так, например, этический концепт «зло» может метафорически одушевляться как волк во фразеологизме *волк в овечьей шкуре*. Это можно иллюстрировать следующей схемой:

– фразеологическое значение – *лицемер скрывает злые намерения под маской добродетели*;

– когнитивная стратегия – *концептуальная метафора «зло есть волк»*;

– исходный домен – *конкретное живое существо, т.е. концепт «волк»*;

– целевой домен – *абстрактный этический концепт «зло»*;

– направление метафорического проецирования – *с концепта «волк» на концепт «зло»*.

Из этой схемы нетрудно видеть, что такие признаки концепта «волк», как, например, вредить человеку, красть его имущество (в данном случае – это *домашние животные*) и пр., посредством метафоры «зло есть волк» применяются к конструированию этического концепта

«зло», а именно злого человека (лицемера), который скрывает не только дурные и злые намерения, но и собственную жестокость под маской мягкости и доброты. В реальности злые люди под маской доброты наносят другим психологический и физический вред. Таким образом, можно сказать, что концепт «зло» зафиксирован в русской языковой картине мира через призму метафоры «зло есть волк», т.е. метафорического представления зла как волка, которое не только сохраняется в русском сознании и памяти, но и дает носителям других языков возможность образно представить этот концепт в их сознании.

В рамках четвертой когнитивной модели, т.е. модели представления зла как реального живого (одушевленного) существа, еще можно создать модель концептуальной метафоризации «зло есть собака», находящуюся на базовом уровне категоризации и воплощенную именно во фразеологизме *злой (зол) как собака*. Это, конечно, тоже можно иллюстрировать следующей схемой:

- фразеологическое значение – *вредный, злобный*;
- когнитивная стратегия – *концептуальная метафора «зло есть собака»*;
- исходный домен – *реальное живое (одушевленное) существо, т.е. концепт «собака»*;
- целевой домен – *этический концепт «зло»*;
- направление метафорического проецирования – *с концепта «собака» на концепт «зло»*.

Эта схема демонстрирует, что когнитивные признаки концепта «собака» (злая собака негативно воспринимается носителями языка, так как наносит человеку психологический и/или физический ущерб) переносятся на концепт «зло», поэтому в сознании человека образ собаки используется для номинации и интерпретации злых, ожесточенных людей [18, с. 124].

Также к разновидностям четвертой когнитивной модели относятся концептуально-метафорическая модель представления зла как медведя, отображенная во фразеологизме *медвежья услуга*, и концептуально-метафорическая модель представления зла как змеи, выраженная во фразеологизме *змея подколотная*.

Таким образом, через призму четвертой когнитивной модели, т.е. концептуальной метафоры «зло есть реальное живое (одушевленное) существо», мы получаем возможность не только проецировать признаки исходного домена на этический концепт «зло», выраженный в неявном виде в русских фразеологизмах со значением ‘зло’, но и образно-эмоционально и обобщенно-метафорически осмыслить злых людей и их злые поступки.

Пятая когнитивная модель – это концептуально-метафорическая модель конкретизации

абстракции этического концепта «зло», т.е. модель представления зла как конкретного действия, которая эксплицитно отображена в русских фразеологизмах со значением ‘зло’. Эта модель репрезентирует представление о том, что люди, совершая негативные действия, наносят другим вред как в физическом, так и в психологическом плане.

Так, например, во фразеологизме *взять (держать, схватить) за горло* этический концепт «зло» выражается в ярких образах и даже в ситуациях, где он конкретизируется как злой поступок человека. Тот эмпирический факт, что горло является жизненно важным органом для человека, позволяет нам говорить об угрозе горлу как об угрозе жизни. В связи с этим фразеологизм *держат за горло* означает, что злой человек заставляет других делать что-либо нежелательное, даже подчиняет их своей воле. Нельзя не отметить, что конкретизация зла как действия, образно выраженная еще в других фразеологизмах, таких как *вить веревки, спустить шкуры / спустить семь шкур, драть три шкуры (семь шкур, шкуру)* и пр., дает нам возможность говорить о действии такого типа как о национальном стереотипе русского народа, используемом для концептуализации нравственного атрибута человека – зла.

В заключение отметим, что в ходе описания когнитивных моделей концептуальной метафоризации этического концепта «зло» мы получаем возможность говорить о национальной специфике некоторых представлений о зле, выраженных в русской фразеологии. Это прежде всего модели овеществленного представления зла как реальной конкретной сущности (предмета, объекта, вещи, существа), в том числе и специфицированного предмета с негативными признаками (функциями, характеристиками), модели одушевленного представления зла как реального живого существа (волка, медведя, змеи и пр.) и модели конкретизированного представления зла как действия. Таким образом, в моделях метафорического представления зла в русской языковой картине мира выражаются не только определенные национально-обусловленные форматы знаний о мире, модели языковой ментальности, но и способы видения абстрактных концептов через конкретно-чувственный опыт их переосмысления.

Список литературы

1. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
2. Wang Yin. Cognitive Linguistics. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2007. 681 p.

3. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 145 с.
5. Wang Yin. Explorations on Cognitive Linguistics. Chongqing: Chongqing Press, 2005. 418 p.
6. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
7. Бочкарев А.Е. К проблеме категоризации в теории прототипов: pro et contra // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 249–254.
8. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2018. 374 с.
9. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. № 28. С. 5–33.
10. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 135–146.
11. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
12. Ungerer F., Schmid H.J. An Introduction to Cognitive Linguistics. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2001. 384 p.
13. Tendahl M. A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics. London: Palgrave Macmillan, 2009. 295 p.
14. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. New York: Basic Books, 1999. 640 p.
15. Kovecses Z. Metaphor: a practical introduction. Oxford: Oxford university press, 2010. 304 p.
16. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
17. Kovecses Z., Szabo P. Idioms: A View from Cognitive Semantics // Applied Linguistics. 1996. Vol. 17. № 3. P. 326–355.
18. Мокиенко В.М., Фелицына В.П. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М.: Русский язык, 1990. 220 с.

MODELS OF CONCEPTUAL METAPHORS OF THE ETHICAL CONCEPTS «EVILNESS» IN RUSSIAN PHRASEOLOGY

Wang Tianjiao

This paper has investigated the models of conceptual metaphors of the ethical concept «evil» in Russian phraseology with the meaning «evilness». It is shown that in Russian phraseological units the ethical concept «evilness» is presented as reified entity (object, thing), including concrete object with specific functions (characteristics, signs), as animate beings such as wolf, dog, bear and snake, and as concrete action. It is concluded that such models of the metaphorical representation of evilness largely embody not only the national and cultural specifics of the Russian people, but also their own and certain formats of knowledge about the world, which are reflected and recorded in Russian phraseology.

Keywords: cognitive models; ethical concept «evilness»; conceptual metaphors; national language picture of the world; Russian phraseology.

References

1. Maslova V.A. Linguoculturology. M.: Akademia, 2001. 208 p.
2. Wang Yin. Cognitive Linguistics. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2007. 681 p.
3. Askoldov S.A. Concept and word // Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text: Anthology. M.: Academia, 1997. P. 267–279.
4. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. A short dictionary of cognitive terms. M.: Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University, 1996. 145 p.
5. Wang Yin. Explorations on Cognitive Linguistics. Chongqing: Chongqing Press, 2005. 418 p.
6. Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of Russian Culture. M.: Languages of Russian culture, 1997. 824 p.
7. Bochkaev A.E. On the problem of categorization in the theory of prototypes: pro et contra // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2015. № 1. P. 249–254.
8. Radbil T.B. Cognitive science: A teaching tool. Nizhny Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod State University, 2018. 374 p.
9. Апресян Ю.Д. Deixis in vocabulary and grammar and the naive model of the world // Semiotics and informatics. 1986. № 28. P. 5–33.
10. Petrov V.V. Metaphor: from semantic representations to cognitive analysis // Questions of linguistics. 1990. № 3. P. 135–146.
11. Arutyunova N.D. Language and the human world. 2nd ed., ispr. M.: Languages of Russian culture, 1999. 896 p.
12. Ungerer F., Schmid H.J. An Introduction to Cognitive Linguistics. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2001. 384 p.
13. Tendahl M. A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics. London: Palgrave Macmillan, 2009. 295 p.
14. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. New York: Basic Books, 1999. 640 p.
15. Kovecses Z. Metaphor: a practical introduction. Oxford: Oxford university press, 2010. 304 p.
16. Teliya V.N. Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. M.: Languages of Russian culture, 1996. 288 p.
17. Kovecses Z., Szabo P. Idioms: A View from Cognitive Semantics // Applied Linguistics. 1996. Vol. 17. № 3. P. 326–355.
18. Mokienko V.M., Felitsyna V.P. Russian phraseological units: A linguoregional dictionary / Ed. by E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov. M.: Russian language, 1990. 220 p.